

С. С. СОВЕТОВ

Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков

«Можно сказать, что каждый стих этого произведения («Слова о полку Игореве») послужил темой для поэтов... Современные польские и русские поэты, Пушкин и Залеский, постоянно используют выражения, иногда даже целые обороты, как бы заимствованные из „Слова“, — так говорил А. Мицкевич, анализируя «Слова о полку Игореве» на своих лекциях по славянским литературам в Collège de France в Париже.¹

О переводах «Слова» на польский язык и влиянии его на польскую литературу писали многие ученые, как например Генрик Улашин,² Богумил Выдра,³ Юзеф Биркенмайер⁴ и др. Ценные дополнительные наблюдения по этому вопросу даны в статье А. Л. Каплан «„Слова о полку Игореве“ и польские писатели XIX—XX вв.»⁵ Наконец, обширный материал о переводах «Слова о полку Игореве» на польский язык мы находим и в статье Антонины Обрэмбской-Яблоньской «„Слова о полку Игореве“ в польских переводах».⁶

А. Л. Каплан в своей статье упоминал о древнерусском образе Бояна, который нашел свое отражение в целом ряде поэтических произведений польских писателей. Но это было сделано скорее в форме регистрации того или иного факта. Я же со своей стороны хотел бы указать на стилистическое осмысление и своеобразную трактовку этого образа некоторыми польскими поэтами-романтиками. Следует, однако, оговорить, что в данной небольшой статье я отнюдь не собираюсь исчерпать весь имеющийся материал по этому вопросу, а только постараюсь наметить пути развития этого образа в польской поэзии, определяя тем самым одну из

¹ A. Mickiewicz. Dzieła. Spółdzielnia Wydawnicza «Czytelnik», 1955. Literatura słowiańska. Kurs pierwszy, półrocze I. Przełożył Leon Płoszewski. Wykład XV, стр. 183 и 184

² «Wpływy Słowa o pólku Jgora» w poezji polskiej. Pamiętnik Literacki, тт. XXII—XXIII. 1930, стр. 469—470.

³ «Słowo o pólku Jgorevě», jeho ohlasy a vliví v literatuři polské a české. Bratislava, 1930, IV, 4—5 и отдельный оттиск.

⁴ См. его рецензию на работу Б. Выдры: Ruch literacki, Warszawa, 1931 rok VI, № 8, стр. 249.

⁵ Научный бюллетень ЛГУ, № 11—12. Славистические заметки. Л., 1946, стр. 74—78.

⁶ Antonina Obreńska-Jabłońska. «Słowo o pólku Jgora» w przekładach polskich. Pam. Liter., Warszawa—Wrocław, 1952, rocznik XXIII, zeszyt 1—2, стр. 408—441; «Słowo o wyprawie Jgora». W opracowaniu Antoniny Obreńskiej-Jabłońskiej. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1954, стр. 64—98. См. также: В. П. Адрианова-Перетц. «Слова о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940, стр. 27—28.

художественных форм переключки между польскими поэтами и автором древнерусского памятника.

«Не пристало ли нам, братья, начать старыми («старомодными», старинными) выражениями горестное повествование о походе Игорево, Игоря Святославича! [Нет], начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по [старинному] замыслению Бояна. Ибо Боян, вещий, если в честь кого хотел песнь сложить (вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени», так и) растекался мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками... То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои волшебные пальцы на живые струны возлагал; они же сами собой... князьям славу рокотали».⁷

Комментируя эти слова, Д. С. Лихачев совершенно правильно раскрывает сущность этого древнерусского образа Бояна: «Он (т. е. автор «Слова», — С. С.) вспоминает старинного певца — Бояна (XI в.). Боян этот был и создателем и исполнителем своих песен. Он сопровождал свои песни игрой на гуслях. Автор „Слова“ обращается к нему не случайно; он считает его своим предшественником... Но автор „Слова“ не только сопоставляет свое произведение с песнями Бояна, он, в известной мере, и противопоставляет его этим песням. Он отказывается начать свое повествование в старых выражениях, свойственных Бояну, и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени. Чтобы сделать понятным, почему он отказывается от обычных поэтических способов изложения, автор „Слова“ наглядно характеризует искусную, но неприемлемую для него поэтическую манеру Бояна, которого он называет „вещим“, т. е. кудесником, волшебником... В этих прославлениях Боян достиг такого искусства, настолько искусил руку, что под перстами его струны как бы сами собой, без всяких усилий, в „старых словесах“ пели славу князьям».⁸

А. Мицкевич в курсе славянских литератур указывает, что «вещий поэт Боян, о котором вспоминает автор («Слова», — С. С.), нам не известен. Имя его упоминается только в этом памятнике; похвала же автора, относящаяся к Бояну, свидетельствует, что он должен был быть весьма популярным у древних славян». В другом же месте Мицкевич пишет: «... может быть, Боян, а его можно произносить и Баян, является только названием (мифического) божества, которое изображала народная славянская поэзия».⁹ Северин Гощинский отмечает, что «Боян является во всей поэме одной из лучезарных мыслей певца («Слова», — С. С.)». Он, как и Мицкевич, делает предположение, что имя Боян принадлежит не только одному певцу; этим именем обозначали вообще народного певца и одновременно воина.¹⁰

Именно в таком понимании предстает перед нами образ Бояна в стихотворении идиаллика Винцента Реклевского (1786—1812):

⁷ «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 76—77.

⁸ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е, дополненное. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 58—59. Подобную же трактовку образа дает и Антонина Обрэмбская-Яблоньская («Słowo o wurowawie Jgoga», отдел «Объяснения», стр. 110).

⁹ A. Mickiewicz. Dzieła, стр. 172 и 177. См. комментарий к такому пониманию образа Бояна в работе: Marjan Jakóbiec. Literatura rosyjska w wykładach paryskich Mickiewicza. — Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1956, № 1(14), стр. 88—89.

¹⁰ Sew. Goszczyński. «Wyprawa Jgora na Połowców» Poemat słowiański wydany przez Augusta Bielewskiego. Lwów. Nakładem Franciszka Pillera, 1833. Рецензия: Dzieła zbiorowe. Wydawnictwo Zygmunta Wasilewskiego, t. I. — В серии: «Biblioteka klasyków polskich» pod redakcją Tadeusza Pimego, t. IV, стр. 372.

Dziarscy bojanie! A gdzie konia macie,
Który po moim został u was bracie?

(«Halina»).

Храбрые бояне! А где же конь,
Который остался у вас после моего брата?

Этот образ вправлен в рамку идиллической картины, когда тень погибшего на войне солдата таинственно появляется на могиле своей возлюбленной. Сам Винценты Реклевский был участником двух военных кампаний (1809 и 1812 гг.).

Непосредственная связь образа Бояна в польской поэзии с образом Бояна из «Слова о полку Игореве» выражена очень ярко в следующих стихах Юзефа Богдана Залеского (1802—1886):

«Słowiku czasu starego, Bojanie!»
Wieszcz Igorowy w cześć jemu wykrzyka:
Toż ile razy wsłucham się w słowika,
Bojanowego coś grać jestem w stanie:
W jego rozdźwiękach bo — ars poetical!
To niewołące głosu spadkowanie,
Ta pełna — strojna — a roznośna nuta,
W ojcu Bojanie, na stepie przeczuta.

(«Słowik-Bojan» из сб. «Pyłki»).

«Соловей старого времени, Боян!»
В честь него восклицает певец Игоря:
Точно так же каждый раз, когда я вслушиваюсь
в соловья,

Я в состоянии играть что-либо бояновское:
В его звучании — поэтическое искусство!
Это вынужденное замирание голоса,
Эта полная, стройная, громко звучащая нота
Была слышна у отца Бояна, в степи.

Образ-сравнение «Бояна-соловья» в Слове переносится автором на соловья как реальную птицу, поющую по-бояновски, а в облике соловья поэт олицетворяет себя как певца, подражающего в своем пении старому Бояну, певцу украинских степей. Это пение Бояна поэт признает величайшим образцом искусства всех славян, а следовательно, он может подражать ему. Метафорическое сравнение искусной игры «старого Бояна» в «Слове» поэт переносит в свои стихи в более широком толковании; он говорит:

Bojan — z gęśli jak wodę —
Zwierciedłące leje dźwięki;
J roznosny śpiew — to miękki,
Pełną garszą nam rozprasza —
To jak orzeł siwy — w chmury!
To ku ziemi — jak wilk bury...

(«Kalinowy most». Na finał., IV).

Боян — с гуслей словно воду —
Льет прозрачные, как зеркало, звуки;
И громкую песнь — то нежную
Разбрасывает для нас полной горстью,
То как сизый орел — в тучи!
То к земле — словно серый волк...

Образ «водяных брызг», олицетворяющих гусельные звуки Бояна, получает новое конкретное осмысление; но чтобы подчеркнуть связь «Бояна» с «Бояном» из «Слова», поэт подкрепляет это образное сравнение метафорическим сравнением из «Слова о полку Игореве», сохраняя

в точности форму передачи этого образа: «растекался... серым волком по земле, сизым орлом под облаками». В несколько иной интерпретации Юзеф Богдан Залеский дает нам этот же образ в своем другом стихотворении:

Wieszcz nasz B o j a n sam zaklął Sen-Drzewa!
 Po niem myślami rozciekał się swemi,
 J s i w y m o r ł e m bił w prawo, to w lewo,
 J starym wilkiem zrywał się od ziemi.

(«Sen-Drzewo-Wieszcz» из сб.
 «Dumki i Szumki», 1837—1840).

Наш вещий Боян сам заколдовал Сон-Дерево!
 Он растекался по нему своими мыслями,
 И сизым орлом бил то вправо, то влево,
 И серым волком вскакивал с земли.

О происхождении этого стихотворения пишет сам Залеский: «Плохо, — сказал я (Северину Гошинскому во время одной из прогулок с ним), — что мы забыли, как наш народ называет некоторые травы; ведь он привык каждому названию придавать свое оригинальное значение. Северин увидел около дороги травку и спросил меня, знаю ли я, как она называется? Подснежник (Pierwiosnek), отвечал я, вспомнив, что это растение так называют в Польше. — Нет, сказал Северин, у нас народ называет его Сном. Действительно, мне вспомнилось это название и одновременно то, что его используют для околдования любовью. Вернувшись домой, я не мог заснуть до тех пор, пока не написал о нем и не придал ему более широкого значения» («Bohdan Zaleski na tulactwie». Część II, стр. 42).¹¹

В своем творческом мышлении это простое явление природы поэт возвел в символ любви, очарование песнею и сочел шум дерева с образом пения Бояна, как величайшего певца славянских народов, подкрепив свое оригинальное толкование образа поэтикой образов «Слова о полку Игореве». Строфа о Бояне является стержневой в композиции данного стихотворения. Она концентрирует основную мысль поэта.

Прославление Залеским Бояна как самого лучшего певца древних славянских народов, искусству которого должны следовать и польские поэты современности, находит свое выражение в следующих строках:

Kto pierwszy różczkę Snu-Drzewa dostanie,
 J sercem Boże cuda w niej zrozumie;
 Po królu pieśni, po wieszczym Bojanie,
 Między Słowiany zawiekuje w Dumiel —

(«Sen-Drzewo-Wieszcz» из сб. «Dumki i Szumki»,
 1837—1840).

Кто первый достанет веточку Сна-Дерева
 И сердцем распознает в ней божьи чудеса;
 После короля песней, после вещего Бояна,
 Он будет вечно жить в Песне среди славян!

Это же чувство отражено в стихотворении «Łatawicz» («Птица-голец») и «Stepowa mogiła» («Степная могила»). В последнем из них поэт называет погибшего певца «потомком вещего Бояна, в звучании которого гусли прошлых столетий, играючи, ожили для нас».

¹¹ См. также: B. Zaleski, Wybór poezyj. Opracował Józef Tretiak. Biblioteka Narodowa, serja 1, № 30, Kraków, стр. 197.

Образ Бояна тесно переплетается с мыслью о национальном освобождении Польши

Niewyspiwana дума ta drga w łonie
 Żywa, wiecowy dzwon moj po Wojanie
 W który ruszyłem długo ze zadzwonię
 W dzień gdy z wysyciska Polska z martwych wstanie

(B. Zaleski, Niewyspiwana z późniejszej
 dcby życia 1846—1876)

Неспетая песнь дрожит в груди
 Живая вечевои колокол мой оставшийся после Бояна,
 В который как я долго надеялся ударю
 В тот день когда воскреснет победная Польша

Или в другом месте

Niech na nogi Polska wstanie!
 Na dnu godow wielkich w chorze —
 Środ oklaskow — o! Słowianie,
 Piesn Wojana wam powtorzę

(B. Zaleski, Duch od stepu
 XVIII 1836)

Пусть встанет на ноги Польша!
 В хоре в день великих празднеств —
 Среди рукоплесканий — о! Славяне
 Я повторю для Вас песнь Бояна

В образе Бояна поэт видел прототип того народного певца, который в своих песнях сможет провозгласить национальную свободу Польши

Потомки Бояна — это певцы и вещие поэты. Об этом выразительно писал галицийский поэт Корнель Уейский в стихотворении «Черная шаль На тему Пушкина».

Trzy beczki z rwnicy wytoczcie hajdncy!
 O biali spiewacy! Wojana prawnicy!
 Dlaczegoz piesn wasza z ust klatwę wystrasza?
 Ach! ona tym była, czym dla mnie pieśń nasza!

(Czarny szal Na temat Puszk na» 1847)

Выкатите три бочки из винного погреба слуги!
 О светлые певцы! правнуки Бояна!
 Зачем ваша песнь испускает из уст проклятье?
 Ах! Она (те гречанка, — С С) была тем, чем для меня
 ваша песнь!

Ни образа Бояна, ни этого мотива нет в оригинале Пушкина

В творческом мышлении поэта образ Бояна является всегда символом общеславянской песни, Боян связан с игрою на гусях

Wieszczy Wojan
 Praojciec sławny w podstawie olbrzyma
 Na wszystkie kraje słowianskie — Gęsl trzyma

(B. Zaleski, Kwnta w mej ge'li)

Вещий Боян
 Прославленный праотец в обличье великана
 Обратившись ко всем славянским странам держит гусли

Или, как пишет Люциан Семеньский (1809—1877)

Tak bywało za Lumira
 Za Wojana — teraz jeszcze

Serbska gęśla, ruska lira
Konająco zaszeleszcze.

(«Skarga wieszczka»).

Так бывало в эпоху Люмира,
В эпоху Бояна, — но еще и теперь
Сербские гусли, украинская лира
В минуту смерти зашелесят.

В поэме «Степной дух» Богдан Залеский рисует образ:

Guslar — gęślarz złotostruny —
Sam król pieśni — Bojan kroczy,
Na kolanach gęśl podaje
Na słowiańskie wszystkie kraje...

(«Duch od stepu», XVIII... 1836).

Гусляр — волшебник золотострунный —
Шествует сам король песни — Боян,
На коленях гусли обращает
Ко всем славянским странам.

Юлиуш Словацкий в поэме «Бенёвский» с глубокой проникновенностью и с большим художественным чутьем говорит о лире Бояна; не сам Боян, а его лира, заменяющая гусли, ни с чем не может сравниться, если кого-нибудь мучает тоска; здесь образ лиры, а не гуслей — поскольку речь идет об Украине — принимает на себя основное, ведущее содержание описываемого настроения; этот образ лиры выдвигается поэтом на передний план; а это в свою очередь достигается повторением четыре раза слова «лира» в его разнообразных семантических оттенках в одном четверостишии и выделением именно не какой-либо лиры вообще, а «лиры Бояна»:

.. Siadł (Wernyhora) i rzekł: Ludzie... wy lirę Bojana
Schowali w grobie. — Liry rozmaite
Brzęczą po świecie — tam gdzie żal doskwiera...
Lecz niema drugiej liry, jak ta lira...

(«Bieniowski», VI, 105—112. 1841).

Сел (Вернигора) и сказал: Людн... вы лиру Бояна
Схоронили в могиле. — Разнообразные лиры
Звучат в мире — там, где мучает тебя тоска...
Но нет другой лиры, как эта лира...

Однако поэтический образ древнерусского Бояна не только связан с лирой; он является и символом свободы и красоты человеческой песни, которая живет в степных цветах и птицах, словно ветер Украины. Отсюда возникает словесное сочетание — «степь Бояна», что дает особое представление о свободной цветущей степи. Это лучше всего дал почувствовать Юлиуш Словацкий в словах Свентыны, обращенных к Саве Чалому из поэмы «Бенёвский»:

... Ja ci ubiorę w brusznicę
Korowaj — sama pójde w step Bojana,
Gdzie mi śpiewają kwiaty i żurawie:
A spać nie będę na wproszonej ławie.

(«Bieniowski», V, 272—276).

... Я для тебя украшу брусничкой
Свадебный хлеб — сама же пойду в степь Бояна,
Где мне будут петь цветы и журавли:
Но спать на силком навязанной скамье я не буду.

Богдан Залеский, больше всего интересовавшийся образом Бояна, посвятил ему специальное стихотворение «*Wojańicz*» («Боянич»), где уподобил себя, как и в поэме «Степной дух», правнуку Бояна и назвал себя после вешего Бояна — Бояничем. В этом же стихотворении он поставил в один ряд русского летописца монаха Нестора и славянского певца Бояна. В свою очередь Юлиуш Словацкий, критикуя католическое мировоззрение Богдана Залеского, внес совершенно новую сатирическую интонацию в понимание образа Бояна.

Więc dziękowałem Bogu, że z pod prasy
Nie wyszło jeszcze sześć psalmów Bojana,
Boby te wszystkie katolickie kwasy
Miał na łbie, wszystkie sześć...

(«*Bieniowski*», I, 641—644).

Итак я поблагодарил бога, что из-под типографского станка
Не вышло еще шесть псалмов Бояна,
Потому что я все эти католические гримасы
Чувствовал бы на своей голове, все шесть...

Образ Бояна перефразирован иронической интонацией. Под словом Боян следует понимать поэта Богдана Залеского.

И, наконец, мы имеем факты, когда образ Бояна выступает в качестве эпитета, в форме прилагательного, определения, что являлось своего рода лексическим новообразованием для той эпохи. У Богдана Залеского, например, мы встречаем «*duma Wojanowa*», т. е. «Боянова песнь» («*Step*», «*Sen-Drzewo-Wieszczce*» и др.); или «*geśl Wojanowa*», т. е. «Бояновы гусли» («*Latawie*»), и т. п. И даже такие образования, как «*robojańska geśl*», т. е. «послебояновские гусли» (В. Zaleski. «*Duma*»), или «*Geśl przedbojańska*», т. е. «добояновские гусли» («*L. Siemiński*», «*Epilog do naszych wierszów*»).

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, насколько глубоко проникала образная и стилистическая система «Слова о полку Игореве» в поэтическую ткань польских романтических писателей. Как мы видели, интерпретация образа разнообразна. Образ Бояна для польских поэтов был чрезвычайно близким, своим, родным. Он являлся по своему идейному замыслу как бы носителем идеи объединения всех славян в одну семью. Образ Бояна, несмотря на свою шестисотлетнюю давность, ощущался польскими поэтами как живой прообраз творческого начала в искусстве, как воплощение героической песни у славянских народов. А эта тесная связь «Слова о полку Игореве» с польской поэзией не только у романтиков, но и у более поздних и даже современных представителей польской литературы говорит о нерушимой, издавна скрепленной дружбе между русским и польским народами.